

Научная статья

DOI: 10.15393/j9.art.2025.15902

EDN: BLEDSN

Семантика вериг в повести Л. Н. Толстого «Детство», романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» и рассказе А. П. Чехова «Убийство»

Е. Л. Сузрюкова

*Новосибирский государственный технический университет
(г. Новосибирск, Российская Федерация)*

e-mail: sellns@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается семантика образа вериг в повести Л. Н. Толстого «Детство», романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» и рассказе А. П. Чехова «Убийство». Ношение вериг традиционно понимается как подвиг, совершаемый христианами-аскетами. В русской литературе XIX в. этот мотив актуализируется при изображении персонажей, наделенных чертами юродства и/или странничества. Осмысление рассматриваемого житийного по своему происхождению мотива в произведениях разных авторов неодинаково. В повести «Детство» и романе «Война и мир» Л. Н. Толстого татап и княжна Марья, персонажи, искренне и глубоко верующие, признают духовную пользу ношения вериг, которые есть у странников, принимаемых ими в своих домах (Гриша, Федосьюшка). Вериги здесь — один из символов отречения юродивого или странника от мира, усиленный духовный подвиг, сопряженный с любовью к Богу. В романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» вериги становятся знаком исключительно внешнего подвижничества, лишённого своего духовного содержания: отец Ферапонт, хотя и обладает некоторыми чертами юродивого, наделен гордостью. На наш взгляд, такая интерпретация образа вериг сопряжена у Ф. М. Достоевского со святоотеческой традицией, в частности — с практикой духовного руководства в Оптиной пустыни, которую писатель посетил в 1878 г. Так, в житии оптинского старца Леонида (Льва) есть эпизод, в котором упоминаются бесноватые, самовольно надевшие тяжелые вериги и не совершавшие при этом внутреннего духовного подвига очищения сердца от страстей, а потому и впавшие в состояние демонической одержимости. Отец Ферапонт в «Братьях Карамазовых» всюду видит нечистую силу. Он носит вериги, усиленно постится, ходит босым, но не сознает, что находится в состоянии тщеславия, зависти и осуждения. Ношение вериг без благословения превышает духовные силы персонажа. Смирение и покаяние, отказ от ношения вериг, как видно из жития преп. Леонида (Льва) Оптинского, — единственно возможный путь возвращения к должному духовному состоянию для героя, который он для себя, однако, не избирает. В рассказе

А. П. Чехова «Убийство» продолжается смысловая линия изображения вериг, заданная Ф. М. Достоевским. Матвей Терехов уклоняется в сектантство, осуждая священнослужителей Православной Церкви. При этом он носит вериги, много молится и усиленно постится, пытается самостоятельно совершать богослужение. Отречение от своих заблуждений сопровождается у персонажа также отказом носить вериги, мысль надеть которые, по словам его хозяина, исходит «от беса». В анализируемых произведениях Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского и А. П. Чехова ценностно значимой, спасительной для души, оказывается именно православная вера, от которой герой не должен отступать, не уклоняясь исключительно во внешнее подвижничество, не оставляя Православную Церковь.

Ключевые слова: Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский, А. П. Чехов, вериги, юродивый, аскетика, семантика, православие

Для цитирования: Сузрюкова Е. Л. Семантика вериг в повести Л. Н. Толстого «Детство», романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» и рассказе А. П. Чехова «Убийство» // Проблемы исторической поэтики. 2025. Т. 23. № 4. С. 307–328. DOI: 10.15393/j9.art.2025.15902. EDN: BLEDSN

Original article

DOI: 10.15393/j9.art.2025.15902

EDN: BLEDSN

Semantics of Chains in the Short Novel “Childhood” by L. N. Tolstoy, the Novel “The Brothers Karamazov” by F. M. Dostoevsky, and the Short Story “The Murder” by A. P. Chekhov

Elena L. Suzryukova

*Novosibirsk State Technical University
(Novosibirsk, Russian Federation)*

e-mail: sellns@mail.ru

Abstract. The article delves into the use of verigi (chains) as a symbol in L. N. Tolstoy’s autobiographical short novel “Childhood,” F. M. Dostoevsky’s novel “The Brothers Karamazov,” and A. P. Chekhov’s short story “The Murder.” The act of wearing chains is traditionally understood as a feat performed by Christian ascetics. In 19th-century Russian literature, this motif is actualized in texts through the depiction of characters endowed with traits of foolishness for Christ and/or on a pilgrimage. The interpretation of this hagiographic motif varies among different authors. Maman and Princess Mary, two deeply religious characters in Leo Tolstoy’s “Childhood” and “War and Peace,” realize the spiritual value of chains worn by their pilgrim guests (Grisha and Fedosyushka). In this context, chains symbolize the renunciation of worldly desires by the fool for Christ or the pilgrim, who represent a heightened spiritual feat

intertwined with love for God. In contrast, in Fyodor Dostoevsky's "The Brothers Karamazov," chains become a sign of purely external asceticism, devoid of its spiritual content: although Father Therapont's humility and love for his neighbors resemble certain features of a holy fool, he is endowed with pride. This interpretation of the chains imagery in Dostoevsky's works is linked, in our view, to the tradition of the holy fathers, particularly to the practices of spiritual guidance at Optina Monastery, which the writer visited in 1878. For example, in the life of Elder Leonid (Lev) of Optina, there is an episode about demon-possessed people who, while wearing heavy chains, fail to engage in the internal spiritual struggle required to cleanse their hearts of passions, eventually succumbing to demonic possession. Father Therapont in "The Brothers Karamazov" sees evil spirits everywhere. Despite wearing chains, fasting dutifully, and walking barefoot, he is unaware that he is consumed by vanity, envy, and judgement. Wearing chains without blessing exceeds the character's spiritual strength. As shown in the life of Elder Leonid (Lev) of Optina, true humility and repentance, rather than wearing chains, are the only means of returning to a proper spiritual state, which the protagonist fails to choose. In Anton Chekhov's "The Murder," the thematic thread of the imagery of chains initiated by Dostoevsky continues. Matvey Terekhov veers into sectarianism, condemning the clergy of the Orthodox Church. Meanwhile, he wears chains, prays a lot, and fasts rigorously, attempting to conduct his own liturgy. The character's rejection of his delusions is accompanied by his unwillingness to wear chains, which, according to his master, are "from the devil." In the analyzed works of L. N. Tolstoy, F. M. Dostoevsky and A. P. Chekhov, it is the Orthodox faith that turns out to be valuable and saving for the soul, the faith from which the hero must not retreat, neither by deviating exclusively into external asceticism, nor by leaving the Orthodox Church.

Keywords: L. N. Tolstoy, F. M. Dostoevsky, A. P. Chekhov, the image of chains, holy fool, ascetic, semantics, Orthodoxy

For citation: Suzryukova E. L. Semantics of Chains in the Short Novel "Childhood" by L. N. Tolstoy, the Novel "The Brothers Karamazov" by F. M. Dostoevsky, and the Short Story "The Murder" by A. P. Chekhov. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 2025, vol. 23, no. 4, pp. 307–328. DOI: 10.15393/j9.art.2025.15902. EDN: BLEDSN (In Russ.)

В Православной энциклопедии вериги определяются как «тяжелые цепи или иные металлические предметы, ношение к^ото^рых на теле является одним из видов аскетического подвижничества»¹. В Толковом словаре живого великорусского языка В. И. Даля подробно перечисляется то, что относится к веригам: «...кандалы, цепи, железа, оковы; разного вида железные цепи, полосы, кольца, носимые спасающими на голом теле, для смирения плоти; железная шляпа,

¹ Православная энциклопедия. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2004. Т. 7: Варшавская Епархия — Веротерпимость / под ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. С. 714.

железные подошвы, медная икона на груди, с цепями от нее, иногда пронятыми сквозь тело или кожу и пр.»².

Среди русских подвижников, носивших вериги, наиболее известны преп. Никита Столпник (XII в.), преп. Евфросиния Полоцкая (XII в.), преп. Иринарх Ростовский (кон. XVI — нач. XVII в.). В житии преп. Никиты содержится история о чудесном возвращении вериг после смерти святого в монастырь, где он прежде подвизался: «... "ближние его два", прельстившиеся железными веригами, блескующими, как серебро, убили Никиту <...>. Житие заканчивается рассказом о возвращении в Никитский монастырь вериг и крестов Никиты. Они были брошены убийцами в Волгу неподалеку от ярославского монастыря во имя святых апостолов Петра и Павла, но не утонули, а плавали на поверхности воды и были найдены благодаря чудесному видению старцу Симону исходящих от них 3 каменных столбов высотой до неба и сияющих, как солнце» [Федотова: 519]. Образ вериг сопряжен здесь с семантикой драгоценности, а также со значением особого сияния, блеска, появившегося как посмертное чудо в житии подвижника. Что касается другого святого, носившего вериги, то «имеются упоминания о "будничных" и "праздничных" веригах преп. Иринарха. По подсчетам Корсунского, "труды" святого весили 9 пудов 34 фунта (свыше 150 кг)» [Доброцветов: 389]. Кроме того, в Православной энциклопедии отмечается, что «в<ериги> носили не только монахи-аскеты, но и нек<ото>рые церковно-государственные деятели — напр<имер>, Патриарх Московский и всея Руси Никон»³. В Вознесенском соборе Новоиерусалимского монастыря эти вериги «весом в 14 фунтов (около 6 кг)»⁴ висели продолжительное время. Их иногда спускали, чтобы возложить на больных: «Многие из недужных, с верою притекавших к гробнице патриарха Никона, получали от его вериг немедленное и полное исцеление»⁵.

² Толковый словарь живого великорусского языка В. Даля: в 4 т. СПб.: Изд. книгопродавца-тип. М. О. Вольфа, 1880. Т. 1. С. 183.

³ См.: Православная энциклопедия. Т. 7. С. 714.

⁴ Крест в России. Альбом. М.: Даниловский благовестник, 2006. С. 184.

⁵ Там же.

Ношение на себе вериг было свойственно и юродивым, о чем упоминается, к примеру, в «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина:

«...юродивые, или блаженные, нередко являлись в столице, носили на себе цепи или вериги, могли всякого, даже знатного человека укорять в глаза беззаконною жизнью...»⁶.

О. А. Туминская, перечисляя средства «уничтожения плоти», применяемые юродивыми, пишет в том числе и о веригах: «Юродивые во Христе в вопросах усмирения плоти достигли апогея: они не только смиряли свое физическое естество, но и исповедовали максимум "уничтожения плоти", что выражалось в отказе от самых необходимых потребностей человека в жизни — еды, питья, одежды, жилища, общения с близкими, и удваивали свои страдания путем ношения вериг, власяниц, принятия дополнительных строжайших и болезненных обетов» [Туминская: 99]. Вериги здесь имеют семантику добровольно переносимых мук, ношение их — один из наиболее трудных аскетических подвигов.

В исследованиях, посвященных теме юродства, идет речь, в частности, о внешнем виде подвижников такого типа. Вериги здесь, по мнению А. М. Панченко, — «актерские атрибуты» [Панченко: 93]. Ученый указывает на наиболее яркие элементы внешнего облика, которые характеризуют юродивого: «колпак великий и тяжкий» Иоанна Водоносца, «медные кольца» на его «тайных удах» [Панченко: 93]. А. М. Панченко отмечает: «Юродивый — это актер *sui generis*, как клоун или конферансье. Костюм юродивого должен прежде всего подчеркивать его особенность, непохожесть, выделять его из толпы. Отсюда разнообразие костюмов юродивых, которые удовлетворяют только одному условию — они обязательно экстравагантны» [Панченко: 93]. В таком случае вериги в числе прочих «несообразностей» в облике юродивого, как считает исследователь, включены в зрелище, цель которого — «ругаться миру», т. е. «жить в миру, среди людей, обличая пороки и грехи сильных и слабых и не обращающая внимания на общественные приличия» [Панченко: 79].

⁶Карамзин Н. М. История государства Российского. М.: Эксмо, 2007. С. 843.

Однако, с точки зрения И. А. Есаулова, «юродство является не эксцентрическим отклонением от "нормы", а ее восстановлением» [Есаулов: 185]. Более того, ученый пишет, что «в русской православной традиции главным ориентиром является не "норма", определяемая Законом, а святость, соприродная Благодати, которой и наследует юродство» [Есаулов: 185]. В этом контексте внешний вид юродивого — признак его отделенности от мира греха и знак приобщения к Небесному Царству: «В целом пасхальный характер юродства проявляется, очевидно, в том, что люди должны помнить об изгнанности из рая и не принимать здешний земной мир — даже после явления в нем Христа — за этот рай. Спасение "куплено" ценою Распятия: надеющимся на воскресение следует всегда помнить об этом» [Есаулов: 164]. В. В. Иванов называет юродивого героя «христоподобным человеком» [Иванов, 2016: 100], «странность поступков» которого «возникает как следствие акта пробужденной совести» [Иванов, 2016: 97]. Ношение вериг в этом контексте позволяет осмысливать их как эксплицитно данный знак духовного движения к Богу.

Добавим, что в молитвословии вериги уподобляются грехам («Ко множеству мѣлости Твоея ныне прибегаю: разреши вериги, Богородице, согрешений моих» (тропарь по 19-й кафизме Псалтири⁷)), следовательно, ношение их — еще и зримое напоминание подвижнику о необходимости покаяния для спасения души.

В русской литературе XIX в. вериги в прямом значении слова вводятся в художественный текст не так часто. В «Борисе Годунове» А. С. Пушкина есть ремарка:

«Входит Юродивый в железной шапке, обвешанный веригами, окруженный мальчишками» [Пушкин: 77].

Здесь вериг подчеркнуто много, и они не скрыты от постороннего взгляда. «Шапка», согласно словарю В. И. Даля, тоже относится к веригам, хотя автор и разделяет здесь вериги как таковые и носимый на голове «убор». Железо, из которого сделаны вериги, по словам Л. В. Карасева, имеет семантику смертности, оно «агрессивно и беспощадно» [Карасев: 103].

⁷ Псалтирь. М.: Трифонов Печенгский монастырь, «Новая книга», «Ковчег», 2001. С. 326.

В аскетическом плане железные вериги — и символ покаяния, и способ «умерщвления» плоти, греховного начала в себе.

В первой части трилогии Л. Н. Толстого «Детство. Отрочество. Юность» дети желают увидеть вериги, которые носит «юродивый и странник Гриша» [Толстой; т. 1: 17], не выставляя их напоказ, в отличие от пушкинского героя, и для этого они прячутся в чулане, где Грише дали ночлег. Но в результате дети так и не увидели вериг, хотя можно было угадать, что они все же имеются:

«Оставшись в одном белье, он [Гриша] тихо опустил на кровать, окрестил ее со всех сторон и, как видно было, с усилием — потому что поморщился — поправил под рубашкой вериги» [Толстой; т. 1: 34].

Это «тайна» подвижника, «великого христианина», как называет его повествователь, которая парадоксальным образом все же стала известна людям.

Первое упоминание вериг в этом произведении связано с образом матан. Вериги она использует в качестве одного из аргументов «в защиту» юродивых:

«...трудно поверить, чтобы человек, который, несмотря на свои шестьдесят лет, зиму и лето ходит босой и не снимая носит под платьем вериги в два пуда весом, и который не раз отказывался от предложений жить спокойно и на всем готовом, — трудно поверить, чтобы такой человек все это делал только из лени» [Толстой; т. 1: 19].

В словах матушки Николеньки сообщается в том числе и о весе вериг (пуд — 16,38 кг, значит, вериги Гриши весят около 32,72 кг). В целом же матан предстает в этой сцене как человек искренне и глубоко верующий, для которого очевидны отдельные грани подвижничества юродивых. И. В. Мотеюнайте отмечает, что образ Гриши позволяет судить о различии духовных и культурных ориентаций матери и отца Николеньки Иртеньева. «Показательно уже различие замечаемых родителями внешних деталей: мать видит вериги на ногах, а отец — грязные ноги» [Мотеюнайте: 293–294]. Заметим, однако, что вериги Гриша носит не на ногах, а под одеждой. Тем не менее оценка исследователя верна: отец в повести

показан как человек рационалистической культуры, нерелигиозный, а мать, Наталья Николаевна, «душевно тонкая и впечатлительная» [Мотейюнайте: 294] — напротив, приобщена «к непостижимому рассудком миру» [Мотейюнайте: 294] веры. Она знает о «невидимых» для поверхностного взгляда веригах, свидетельствующих об аскетической стороне жизни Гриши. Дети соприкасаются с нею, пытаются как раз увидеть то, что недоступно взгляду человека нерелигиозной культуры. В результате вериги становятся знаком приобщения повествователя к миру веры и чувству близости к Богу. Пытаясь разглядеть вериги, дети видят и слышат, как молится юродивый. Таким образом, от внешнего знака богоугодной жизни, вызывающего любопытство, для них открывается путь внутреннего «делания», жизни в соответствии с христианской верой, который, как и вериги, скрыт от постороннего взора⁸.

Подобного рода персонаж появляется и в романе Л. Н. Толстого «Война и мир» (том второй, ч. 3, глава XXVI):

«Была одна странница, Федосьюшка, 50-ти-летняя, маленькая, тихенькая, рябая женщина, ходившая уже больше 30-ти лет босиком и в веригах» [Толстой; т. 10: 237].

Эту странницу принимает у себя княжна Марья Болконская, образ которой, как и образ татап в повести «Детство», связан с родной матерью писателя, урожденной кн. Марией Николаевной Волконской. Княжна Марья в романе Л. Н. Толстого размышляет о сущности подвига такого рода «Божьих людей»:

«...Христос, Сын Бога сошел на землю и сказал нам, что эта жизнь есть мгновенная жизнь, испытание, а мы все держимся за нее и думаем в ней найти счастье. Как никто не понял этого? — думала княжна Марья. — Никто кроме этих презренных Божьих людей, которые с сумками за плечами приходят ко мне с заднего крыльца, боясь попасться на глаза князю, и не для того, чтобы не пострадать от него, а для того, чтоб его не ввести в грех. Оставить семью, родину, все заботы о мирских благах для того, чтобы не прилепляясь ни к чему, ходить в посконном рубище, под чужим именем с места на место, не делая вреда людям, и молясь за них, молясь и за тех, которые гонят, и за тех, которые

⁸ О связи Гриши с мотивами смерти и принятия воли Божией, следования евангельской Истине см.: [Федорова, Любарец].

покровительствуют: выше этой истины и жизни нет истины и жизни!» [Толстой; т. 10: 236].

Федосьюшка с ранней юности отказалась от мирской жизни. Она, как и Гриша, несет подвиг странничества. Объединяет их в тексте образ вериг (ношение избыточной тяжести) и хождение без обуви (лишение себя необходимого). Это знаки отказа от принадлежности к сфере мирского, недуховного. Здесь присутствует и появление несвойственных человеку качеств: перенесение любых условий погоды, необычная выносливость, терпение. Все это признаки духовной силы в поэтике Л. Н. Толстого.

Княжна Марья желает и сама стать такой же странницей и получает на это благословение от духовника:

«В воображении своем она уже видела себя с Федосьюшкой в грубом рубище, шагающею с палочкой и котомочкой по пыльной дороге, направляя свое странствие без зависти, без любви человеческой, без желаний, от угодников к угодникам, и в конце концов, туда, где нет ни печали, ни вздыхания, а вечная радость и блаженство» [Толстой; т. 10: 237].

С. Р. Шаваринская отмечает: «Вера княжны Марьи канонична, при этом ей свойственно стремление к подвижничеству в простонародном его понимании, когда странствие понимается как великое дело, ради которого можно бросить все и идти милостынею по миру, молясь за всех» [Шаваринская: 69]. Однако княжна выбирает для себя иной путь:

«Но потом, увидав отца и особенно маленького Коко, она ослабевала в своем намерении, потихоньку плакала и чувствовала, что она грешница: любила отца и племянника больше, чем Бога» [Толстой; т. 10: 237].

Странничество, таким образом, остается для княжны высоким идеалом, не воплощенным в жизнь, хотя путь ее семейной жизни, по словам С. Р. Шаваринской, «Толстой изображает как ответ любви горней» [Шаваринская: 70].

Итак, вериги у Л. Н. Толстого — атрибут подвижника, юрдивого и/или странника, символ истинной веры, знак отрешенности от соблазнов мирской жизни, причастности миру духовному.

Интересно, что в XX в. у представителя русского зарубежья, писателя В. А. Никифорова-Волгина, появляется рассказ «Вериги Толстого», в котором прозаик, по словам О. В. Христолюбовой и Е. В. Ясновой, обращается «к теме возможного покаяния Толстого, стремления искупить свой грех, нося на своем теле, как следует из текста, тяжелые вериги, которые после его смерти были захоронены в лесу» [Христолюбова, Яснова: 234]. Рассказ деда Арсения, слышавшего о веригах Льва Толстого от «одного захожего человека»⁹, служившего на станции Астапово, — оправдание Л. Н. Толстого, чьи художественные произведения он высоко ценит:

«До слез, говорю, книжки его люблю читать, где он про мужиков да про любовь Христову пишет...» (*Никифоров-Волгин, 2013: 250*).

Целью пути Толстого Арсений считает монастырь, в котором писатель, как рассказывает старик, намеревался снять вериги:

«Перед смертью он хотел вериги с себя снять и в монастыре их оставить...» (*Никифоров-Волгин, 2013: 249*).

Заметим, что сама тема тайны смерти созвучна у В. А. Никифорова-Волгина с мотивом, присутствующим в ряде произведений Л. Н. Толстого («Три смерти», «Смерть Ивана Ильича», «Посмертные записки старца Федора Кузмича...» и др.). Присутствует в тексте и скептическая нота:

«— Ну уж, дедушка, это побасенки! — улыбнулись мы. — Никаких вериг Толстой не носил. Жизнь и смерть его изучены до последней мелочи!» (*Никифоров-Волгин, 2013: 249*).

Но эта фраза, звучащая в первой половине текста, не получает своего развития, а история деда Арсения, напротив, обрастает подробностями. Л. Н. Толстой для В. А. Никифорова-Волгина в контексте данного рассказа, по-видимому, является образом раскаявшегося грешника, чье покаяние было скрыто от посторонних глаз. В тексте не упоминаются сочинения Толстого, направленные против догматов Православной

⁹ Никифоров-Волгин В. А. Ключи заветные от радости. М.: Дарь, 2013. С. 249–250. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *Никифоров-Волгин, 2013* и указанием страницы в круглых скобках.

Церкви. В. А. Никифоров-Волгин включает в свой рассказ лишь то, что способствует духовному преображению человека, то, что не противоречит его собственной вере. Несомненно, это говорит о стремлении самого автора русского зарубежья XX в. видеть в человеке лучшее, что в нем есть. Читателю предоставляется возможность самостоятельно решить, правили нет дед Арсений, рассказавший удивительную историю о Льве Толстом.

В романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» вериги носит персонаж, которого считали юродивым. Это отец Ферапонт:

«...из приходящих мирских очень многие чтили его как великого праведника и подвижника, несмотря на то, что видели в нем несомненно юродивого. Но юродство-то и пленяло» [Достоевский: 151].

«Говорили, что носит он на себе под армяком тридцатифунтовые вериги. Обут же был в старые почти развалившиеся башмаки на босу ногу» [Достоевский: 152].

Слух о ношении персонажем вериг подтверждается в первой главке седьмой книги романа «Глетворный дух», когда отец Ферапонт появляется для обличения уже почившего старца Зосимы¹⁰:

«Ноги же совсем были босы. Как только стал он махать руками, стали сотрясаться и звенеть жестокие вериги, которые носил он под рясой» [Достоевский: 302].

С одной стороны, в этой сцене подчеркивается принадлежность отца Ферапонта древней христианской аскетической традиции, но с другой — здесь обнаруживается то, что должно быть скрыто от постороннего взгляда. Вместо тайно совершаемого подвига — его подчеркивание. Вместо «уничтожения плоти» — демонстрация окружающим якобы должного духовного состояния, что говорит об отсутствии смирения, о духе гордыни. Рассуждая об образе отца Ферапонта, В. Розанов указывал именно на такое духовное его качество, вопреки внешним подвигам:

¹⁰ О семантике имен Зосимы и Ферапонта см.: [Мартынюк].

«Ферапонт, несмотря на слова о себе "поган есмь" (что довольно верно), имеет Богом себе свою гордость...» [Розанов: 13].

Войдя в келью с гробом, отец Ферапонт проводит обычный для себя обряд экзорцизма¹¹, сопровождаемый словами:

«— Сатана, изыди, сатана, изыди! — повторял он с каждым крестом. — Извергая извергну! — возопил он опять» [Достоевский: 302].

Интересно, что императив «изыди» повторяет уже отец Паисий по отношению к отцу Ферапонту:

«— Изыди, отче! — повелительно произнес отец Паисий, — не человеки судят, а Бог. Может, здесь "указание" видим такое, коего не в силах понять ни ты, ни я и никто. Изыди, отче, и стадо не возмущай! — повторил он настойчиво» [Достоевский: 303].

Л. Милентиевич так трактует эту сцену: «Уже не помогают увещевания отца Паисия "не тревожить малое стадо", потому что для Ферапонта возрастает самоощущение святости, которое было естественно присуще апостолам и святым, а теперь вкатилось в "не поправленное" сердце Ферапонта. Он привык, чтобы многие обращались к нему с большим почтением <...>. Он требует к себе *adoratio*, как церковному служителю» [Милентиевич: 84–85].

В связи с рассматриваемой ситуацией следует обратиться к эпизоду из жития преп. Леониды (Льва) Оптинского, в котором упоминаются вериги:

«Приводили к преп. Леониду и многих бесноватых. Было также немало и таких, которые прежде и сами не знали, что они одержимы бесом, и только в присутствии старца по обличении

¹¹ Заметим, что, по народным поверьям, железо, из которого сделаны вериги, является оберегом от нечистой силы. Е. Е. Левкиевская отмечает: «Часто в качестве оберегов используются предметы, сделанные из железа: игла, нож, ножницы, коса, топор, вилы и др. колющие и режущие железные предметы. Они служат для охраны роженицы и ребенка, а также молодых на свадьбе от порчи и болезней (о.-слав.); в Сочельник их втыкают в лавку и кладут под стол, чтобы оградить дом от покойников (з.-укр.). Оберегами являются также кочерга, ухват, сковорода и другие железные предметы, связанные с очагом и с огнем — с их помощью отвращали градовые тучи (полес., з.-укр., ю.-слав.)» [Левкиевская: 200]. Железные вериги тоже, по-видимому, приобретают такую семантику.

им таившейся в них прелести начинали бесноваться. Так нередко бывало с теми из мирских неразумных подвижников, которые все спасение души своей поставляли в том, что облагались тяжелыми железными веригами, нисколько не помышляя об очищении сердца от страстей. Преп. Леонид приказывал с таких людей снимать вериги, и, когда воля его исполнялась, у некоторых из них становилось явным беснование. На всех таких страдальцев старец возлагал епитрахиль и читал над ними краткую заклинательную молитву из требника, а сверх того помазывал их елеем или давал им оный пить, и было очень много поразительных случаев чудесных исцелений»¹².

Ношение вериг здесь сопряжено с духовной опасностью, так как человек становится открыт воздействию на него духов зла, если такой человек не пытается исполнять заповеди Божии в своей жизни¹³. Ф. М. Достоевский, посетивший Оптиную пустынь в 1878 г., мог или знать этот эпизод из жития преп. Леониды (Льва), и/или наблюдать подобные случаи при старце Амвросии Оптинском.

Отец Ферапонт, видящий инфернальные образы, то есть одержимый ими («постоянные бесовидения указывают на то, что Ферапонт в заблуждении», — пишет свящ. М. Липунцов, относящий отца Ферапонта к типу ложного духовника [Липунцов: 254]), подвизается лишь внешне, без внутреннего духовного делания, очищения своего сердца. Отсюда — гордыня ума, порождающая обличение и осуждение ближнего. Вериги в этом контексте становятся знаком формы, лишенной внутреннего — должного для подвижника богатного — содержания.

В житии преп. Леониды идет речь и о противнике старчества, каким показан в романе Ф. М. Достоевского отец Ферапонт:

«Против старца восстал некто отец Вассиан, который себя считал старожилом в монастыре и не признавал старческого

¹² Великие старцы Оптиной пустыни / вступ. ст. А. Яковлева. М.: ТЕРРА — Книжный клуб, 2003. С. 44–45.

¹³ Ср. с высказыванием преп. Феофана Затворника: «Существенно необходимы внешние подвиги; но останавливаться на них одних — беда!». Феофан (Говоров Г. В.) Творения иже во святых отца нашего Феофана Затворника. Начертание христианского нравоучения: [в 2 т.]. [Репринт. изд.]. Печоры; М.: Изд-во Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря: Паломник, 1994. Т. 1. С. 56.

руководства. Этот отец Вассиан признавал только внешние подвиги умерщвления плоти. Подобный ему инок описан Достоевским в романе "Братья Карамазовы" под именем Ферапонта. Вассиан стал писать доносы на старца»¹⁴.

Вериги в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы», таким образом, не связаны с истинным духовным подвигом верующего человека. А отец Ферапонт, несмотря на ношение вериг, заблуждается. Его духовный путь, в отличие от пути старца Зосимы, не привел к любви, а значит, и к Богу.

Среди рассказов и повестей А. П. Чехова вериги в прямом значении слова упоминаются лишь в одном тексте — рассказе «Убийство». Их носил некоторое время один из персонажей семьи, прозванный Богомолowym, хотя настоящая его фамилия — Терехов:

«Тереховы вообще всегда отличались религиозностью, так что им даже дали прозвище — Богомолы. Но, быть может, оттого, что они жили особняком, как медведи, избегали людей и до всего доходили своим умом, они были склонны к мечтаньям и к колебаниям в вере, и почти каждое поколение веровало как-нибудь особенно. Бабка Авдотья, которая построила постоялый двор, была старой веры, ее же сын и оба внука (отцы Матвея и Якова) ходили в православную церковь, принимали у себя духовенство и новым образом молились с таким же благоговением, как старым; сын в старости не ел мяса и наложил на себя подвиг молчания, считая грехом всякий разговор, а у внуков была та особенность, что они понимали Писание не просто, а все искали в нем скрытого смысла, уверяя, что в каждом святом слове должна содержаться какая-нибудь тайна. Правнук Авдотьи, Матвей, с самого детства боролся с мечтаньями и едва не погиб, другой правнук, Яков Иванович, был православным, но после смерти жены вдруг перестал ходить в церковь и молился дома» [Чехов: 143–144].

Фамилия-прозвище, полученная семейством, парадоксальным образом указывает не на особую глубину его веры и близость к Богу, а на приверженность к религиозным поискам, разные формы отклонения от православия — традиционной религии русского народа. Основой такого отклонения в тексте названы «мечтанья», порождающие «колебания в вере».

¹⁴ Великие старцы Оптиной пустыни. С. 41.

По свт. Феофану Затворнику, «свойства сей мечтательности, именно: удаление от действительного, развлечение, смятение, непостоянство мыслей — дают ясно разуметь ее причину. Когда человек сдвинулся со своего места истинного и попал в ложное, неистинное, то вслед за тем и мысли его устремились не к тому, что истинно, а к тому, что мнится быть таковым — к обманчивым призракам»¹⁵:

«...когда самовольная фантазия как в темницу какую заключает человека, в сем мраке всею силою начинает свирепствовать сатана. Когда фантазия предается самовольному движению, тогда приходит сатана в сердце и похищает у него Слово Божие или добро, как семя, посеянное при пути, и, напротив, засеменяет свое зло, как в притче враг человек посеял плевелы среди пшеницы. Опомнившись от мечтаний, человек находит, что настроен на известное зло, и понять не умеет, как и откуда»¹⁶.

Матвей в рассказе «едва не погиб» [Чехов: 143] от мечтаний. «Мечтанием» Матвей называет помысел, который пришел ему во время совершения Таинства исповеди:

«Только вот по прошествии времени исповедаюсь я однажды у священника и вдруг такое мечтание: ведь священник этот, думаю, женатый, скоромник и табачник; как же он может меня исповедать и какую он имеет власть отпускать мне грехи, ежели он грешнее, чем я? Я даже постного масла остерегаюсь, а он, небось, осетрину ел. Пошел я к другому священнику, а этот, как на грех, толстомясый, в шелковой рясе, шуршит будто дама, и от него тоже табаком пахнет. Пошел я говеть в монастырь, и там мое сердце не спокойно, все кажется, будто монахи не по уставу живут» [Чехов: 138–139].

За «мечтанием» скрывается здесь осуждение, горделивое превозношение, самомнение. Предшествуют этому усиленные внешние подвиги, среди которых есть те, что свойственны были юродивым Христа ради:

«Самое первое, дал я обет не кушать по понедельникам скоромного и не кушать мяса во все дни, и вообще с течением времени нашла на меня фантазия. В первую неделю Великого поста до субботы

¹⁵ Феофан (Говоров Г. В.) Творения иже во святых отца нашего Феофана Затворника. С. 259.

¹⁶ Там же. С. 261.

святые отцы положили сухоядение, но трудящим и слабым не грех даже чайку попить, у меня же до самого воскресенья ни крошки во рту не было, и потом во весь пост я не разрешал себе масла ни отнюдь, а в среды и пятницы так и вовсе ничего не кушал. <...> И, кроме того, налагал я на себя всякие послушания: вставал по ночам и поклоны бил, камни тяжелые таскал с места на место, на снег выходил босиком, ну, и вериги тоже» [Чехов: 138].

Хождение босиком по снегу, ношение вериг, чрезмерный пост без благословения — начальные ступени пути, который приведет Матвея к организации отделенной от Церкви общины и впадению в блуд, а затем и в болезни. К. А. Лукьяненко, анализируя линию Матвея в этом рассказе, пишет: «Самочинное уклонение — это прямое нарушение аскетической традиции, которая предполагает духовное руководство мудрыми наставниками, без которых многие сбивались с верного пути и "повреждались"» [Лукьяненко: 35]. Возвращению к православной вере персонажа будет способствовать беседа с хозяином Осипом Варламычем, человеком «строгой, богоугодной жизни и тружденником» [Чехов: 140]. Хозяин даст трезвую духовную оценку происшедшему.

«Ну, запер дверь и — "давно, говорит, я до тебя добираюсь, такой-сякой... Ты, говорит, думаешь, что ты святой? Нет, ты не святой, а богоотступник, еретик и злодей!.." И пошел, и пошел... Не могу я вам выразить, как это он говорил, складненько да умненько, словно по-писаному, и так трогательно. Говорил часа два. Пронял он меня своими словами, открылись мои глаза. Слушал я, слушал и — как зарыдаю! "Будь, говорит, обыкновенным человеком, ешь, пей, одевайся и молись, как все, а что сверх обыкновения, то от беса. Вериги, говорит, твои от беса, посты твои от беса, моленная твоя от беса; все, говорит, это гордость"» [Чехов: 140–141].

Вериги в этой ситуации — знак отдаления от Церкви, а не принадлежности к ней. Более того, указан и источник, побуждающий героя носить вериги — inferнальная сила. В такой смысловой системе ношение вериг — уже не служение Богу, а служение Его противнику. Путь отпадения от истинной веры в рассказе пройдет и брат Матвея, Яков Иваныч, осудивший младшего брата за вкушение масла и совершивший тяжкий грех

братоубийства, Каинов грех. В конце рассказа Яков обретет «простую веру», но, подобно евангельскому богачу из притчи о богаче и Лазаре, он поймет, что сожаления его окажутся слишком поздно пришедшими и прошлое уже невозвратимым.

В художественной прозе Л. Н. Толстого вериги носят юродивые странники (Гриша, Федосьюшка). Рассматриваемый образ сопряжен с семантикой святости, крайним аскетизмом, отказом от всего мирского. В романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» инок Ферапонт, носящий вериги, не достигает духовной цели, ради которой должны совершаться такого рода тяжелые упражнения для смирения плоти и духа. В. В. Иванов пишет о «ложном юродстве Ферапонта» [Иванов, 2004: 270]. Исследователь утверждает: «Не телесным, но духовным благовонием обладает истинная святость, не внешней, но внутренней красотой должен обладать христианский подвижник» [Иванов, 2004: 269]. Вериги поэтому здесь оказываются семантически «пустым» знаком, поскольку принадлежат персонажу, который подвизается без смирения и покаяния. Это подвиг, взятый на себя без рассуждения и без духовного благословения, что, в частности, выражается и в непонимании этим персонажем сути старческого служения, и в «бесовидениях». Ношение вериг усиливает состояние гордости, в котором пребывает персонаж, а не исцеляет от нее. В рассказе А. П. Чехова «Убийство» вериги носит отпавший от Церкви Матвей Терехов. Возвращение этого героя в лоно Церкви сопровождается отказом от ношения вериг и от других аскетических упражнений, взятых на себя самовольно. Это тоже лже-юродивый, его вериги становятся знаком гордости, самомнения. Вериги в рассматриваемых нами произведениях являются знаком, позволяющим характеризовать истинно или ложно юродивых, устремленных к Богу в смиренном сознании своей немощи или горделиво превозносящихся над другими.

Ношение вериг для героев рассматриваемых нами произведений — попытка через вещное, материальное найти выход к вечному, духовному. Такой подвиг оставляет печать «инаковости» на персонаже, готовом угнетать плоть ради возвышения духа. Однако веригоншение не является безусловной гарантией спасения души. В отличие от святых в древнерусских

житиях, литературные герои с веригами в XIX в. необязательно приобщаются к Божьему миру. Тем не менее это попытка преодолеть земное «притяжение» ради обретения Царства Небесного в сюжете богоискательства. Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский, А. П. Чехов, вводя в повествование героя с веригами, пытаются найти ответ на вопрос: в чем заключается истинное служение Богу? Ценностно значимой для авторов анализируемых нами текстов является православная вера, от которой герой не должен уклоняться, обращаясь лишь к внешним подвигам и оставляя исполнение заповедей о любви к Богу и ближним.

Список литературы

1. Доброцетов П. К. Иринарх, затворник, Борисоглебский, Ростовский // Православная энциклопедия. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2011. Т. 26: Иосиф I Галисий — Исаак Сирий / под ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. С. 387–393.
2. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1976. Т. 14: Братья Карамазовы. Кн. 1–10. 510 с.
3. Есаулов И. А. Пасхальность русской словесности. М.: Кругъ, 2004. 560 с. EDN: QRDEXB
4. Иванов В. В. Христианские традиции в творчестве Ф. М. Достоевского: дис. ... д-ра филол. наук. Петрозаводск, 2004. 428 с. EDN: NMYPQJ
5. Иванов В. В. Юродивый герой в диалоге духовных типов // Вестник Костромского государственного университета. 2016. Т. 22. № 3. С. 96–101 [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_26673836_83484475.pdf (10.07.2025). EDN: WLSHJR
6. Карасев Л. В. О символах Достоевского // Вопросы философии. 1994. № 10. С. 90–111. EDN: SGKCDP
7. Левкиевская Е. Е. Железо // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. М.: Междунар. отношения, 1999. Т. 2: Д — К (Крошки). С. 198–201.
8. Липунцов М., свящ. Образы пастырей и духовное окормление в произведениях Ф. М. Достоевского // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. Тамбов, 2019. № 7. С. 242–262 [Электронный ресурс]. URL: <https://ojs.tamds.ru/1/article/view/37/43> (10.07.2025). EDN: SCAPJJ
9. Лукьяненко К. А. Рискогенный потенциал гиперрелигиозности (на примере повести А. П. Чехова «Убийство») // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 17. № 1. С. 32–39 [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_28990427_45515725.pdf (10.07.2025). DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-1-32-39. EDN: YKKIMF

10. Мартынюк О. А. О различии христианского миропонимания в речи героев романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» (старца Зосимы и отца Ферапонта) // Волжский вестник науки. 2017. № 3 (7). С. 26–28 [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_29449577_91141946.pdf (10.07.2025). EDN: YULOQJ
11. Милентиевич Л. Столкновение двух христианств в образах Зосимы и Ферапонта // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2019. № 2 (6). С. 72–97 [Электронный ресурс]. URL: https://dostmirkult.ru/images/DOST_2019-26-intern1-73-98.pdf (10.07.2025). DOI: 10.22455/2619-0311-2019-2-72-97. EDN: NFFKRR
12. Мотейюняте И. В. Образ юродивого Гриши как знак русской православной культуры в повести Л. Н. Толстого «Детство» // Славянский альманах 1999. М.: Индрик, 2000. С. 293–298 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-yurodivogo-grishi-kak-znak-russkoy-pravoslavnoy-kultury-v-povesti-l-n-tolstogo-detstvo/viewer> (10.07.2025).
13. Панченко А. М. Смех как зрелище // Лихачев Д. С., Панченко А. М., Понырко Н. В. Смех в Древней Руси. Л.: Наука, 1984. С. 72–153. EDN: YLGULA
14. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 17 т. М.: Воскресенье, 1995. Т. 7: Драматические произведения. 395 с.
15. Розанов В. В. Собрание сочинений. Около церковных стен / под общ. ред. А. Н. Николюкина. М.: Республика, 1995. 558 с.
16. Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. М.: ГИХЛ, 1935. Т. 1. 358 с.; 1938. Т. 10. 432 с.
17. Туминская О. А. Мотив уничижения плоти аскетов средневековья в русском изобразительном искусстве // Вестник Санкт-Петербургского университета. Искусствоведение. 2017. Т. 7. № 1. С. 98–114 [Электронный ресурс]. URL: <https://artsjournal.spbu.ru/article/view/1950/1743> (10.07.2025). DOI: 10.21638/11701/spbu15.2017.106. EDN: ZCCSGB
18. Федорова Е. А., Любарец В. В. Телеологический сюжет в произведениях Достоевского и Толстого о детстве // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2024. № 2 (53). С. 242–249 [Электронный ресурс]. URL: <https://portal.novsu.ru/file/2145914> (10.07.2025). DOI: 10.34680/2411-7951.2024.2(53).242-249. EDN: QSTSPE
19. Федотова М. А. Никита, прп., Столпник, Переяславский // Православная энциклопедия. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2018. Т. 49: Непеин — Никодим / под ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. С. 516–519.
20. Христолюбова О. В., Яснова Е. В. Духовные портреты А. С. Пушкина и Л. Н. Толстого в восприятии В. А. Никифорова-Волгина // Проблемы гуманитарного образования: филология, журналистика, история: сб. науч. ст. III Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. Т. В. Стрыгиной. Пенза: Пензенский гос. ун-т, 2016. С. 232–235. EDN: XGNSAT
21. Чехов А. П. Полн. собр.соч.: в 30 т. М.: Наука, 1977. Т. 9. 541 с.

22. Шаваринская С. Р. Отражение духовных исканий Л. Н. Толстого в изображении женских типов и характеров в романе «Война и мир» (образ княжны Марьи) // Духовно-нравственные основы русской литературы: сб. науч. ст. по материалам Шестой Междунар. науч.-практ. конф. / науч. ред. Н. Г. Коптелова; отв. ред. А. К. Котлов. Кострома: Костромской гос. ун-т, 2018. С. 68–70. EDN: HVIUFF

References

1. Dobrotsvetov P. K. Irinarch, a Recluse, Borisoglebsky, of Rostov. In: *Pravoslavnyaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. Moscow, Tserkovno-nauchnyy tsentr "Pravoslavnyaya entsiklopediya" Publ., 2011, vol. 26, pp. 387–393. (In Russ.)
2. Dostoevskiy F. M. *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 tomakh* [The Complete Works: in 30 Vols]. Leningrad, Nauka Publ., 1976, vol. 14. 510 p. (In Russ.)
3. Esaulov I. A. *Paskhal'nost' russkoy slovesnosti* [Paskhal'nost' of Russian Literature]. Moscow, Krug Publ., 2004. 560 p. EDN: QRDEXB (In Russ.)
4. Ivanov V. V. *Khristianskie traditsii v tvorchestve F. M. Dostoevskogo: dis. ... d-ra. filol. nauk* [Christian Traditions in the Works of F. M. Dostoevsky. PhD. philol. sci. diss.]. Petrozavodsk, 2004. 428 p. EDN: NMYPQJ (In Russ.)
5. Ivanov V. V. Feeble-Minded Hero in Spiritual Types' Dialogue. In: *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Kostroma State University], 2016, vol. 22, no. 3, pp. 96–101. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_26673836_83484475.pdf (accessed on 10 July, 2025). EDN: WLSHJR (In Russ.)
6. Karasev L. V. About Dostoevsky's Symbols. In: *Voprosy filosofii*, 1994, no. 10, pp. 90–111. EDN: SGKCDP (In Russ.)
7. Levkieskaya E. E. The Iron. In: *Slavyanskije drevnosti: etnolingvisticheskiy slovar': v 5 tomakh* [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary: in 5 Vols]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1999, vol. 2, pp. 198–201. (In Russ.)
8. Lipuntsov M., Priest. Images of Priests and Spiritual Guidance in F. M. Dostoevsky's Works. In: *Bogoslovskiy sbornik Tambovskoy dukhovnoy seminarii* [Theological Collection of Tambov Theological Seminary], 2019, no. 7, pp. 242–262. Available at: <https://ojs.tamds.ru/1/article/view/37/43> (accessed on 10 July, 2025). EDN: SCAPJJ (In Russ.)
9. Luk'yanenko K. A. Risk-Producing Potential of Hyperreligiosity (by the Example of Anton Chekhov's Story "The Murder"). In: *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika* [Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy], 2017, vol. 17, no. 1, pp. 32–39. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_28990427_45515725.pdf (accessed on 10 July, 2025). DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-1-32-39. EDN: YKKIMF (In Russ.)
10. Martynyuk O. A. About the Difference of the Christian Worldview in the Speech of Characters of F. M. Dostoyevsky's Novel "The Brothers Karamazov" (The Elder Zosima and Father Ferapont). In: *Volzhskiy vestnik nauki*,

- 2017, no. 3 (7), pp. 26–28. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_29449577_91141946.pdf (accessed on 10 July, 2025). EDN: YULOQJ (In Russ.)
11. Milentievich L. The Clash of Two Christianities in the Images of Zosima and Ferapont. In: *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura. Filologicheskii zhurnal [Dostoevsky and World Culture. Philological Journal]*, 2019, no. 2 (6), pp. 72–97. Available at: https://dostmirkult.ru/images/DOST_2019-26-intern1-73-98.pdf (accessed on 10 July, 2025). DOI: 10.22455/2619-0311-2019-2-72-97. EDN: NFFKRR (In Russ.)
 12. Moteyunayte I. V. The Image of the Holy Fool Grisha as a Sign of Russian Orthodox Culture in the Short Novel "Childhood" by L. N. Tolstoy. In: *Slavyanskiy al'manakh 1999 [Slavic Almanac 1999]*. Moscow, Indrik Publ., 2000, pp. 293–298. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-yurodivogo-grishi-kak-znak-russkoy-pravoslavnoy-kultury-v-povesti-l-n-tolstogo-detstvo/viewer> (accessed on 10 July, 2025). (In Russ.)
 13. Panchenko A. M. Laughter as a Spectacle. In: *Likhachev D. S., Panchenko A. M., Ponyrko N. V. Smekh v Drevney Rusi [Likhachev D. S., Panchenko A. M., Ponyrko N. V. Laughter in Ancient Rus']*. Leningrad, Nauka Publ., 1984, pp. 72–153. EDN: YLGULA (In Russ.)
 14. Pushkin A. S. *Polnoe sobranie sochineniy: v 17 tomakh [The Complete Works: in 17 Vols]*. Moscow, Voskresen'e Publ., 1995, vol. 7. 395 p. (In Russ.)
 15. Rozanov V. V. *Sobranie sochineniy. Okolo tserkovnykh sten [The Collected Works. Near Church Walls]*. Moscow, Respublika Publ., 1995. 558 p. (In Russ.)
 16. Tolstoy L. N. *Polnoe sobranie sochineniy: v 90 tomakh [The Complete Works: in 90 Vols]*. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury Publ., 1935, vol. 1. 358 p.; 1938, vol. 10. 432 p. (In Russ.)
 17. Tuminskaya O. A. The Motif of the Humiliation of the Body of the Medieval Ascetics in the Visual Arts. In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Iskusstvovedenie [Vestnik of Saint Petersburg University. Arts]*, 2017, vol. 7, no. 1, pp. 98–114. Available at: <https://artsjournal.spbu.ru/article/view/1950/1743> (accessed on 10 July, 2025). DOI: 10.21638/11701/spbu15.2017.106. EDN: ZCCSGB (In Russ.)
 18. Fedorova E. A., Lyubarets V. V. Teleological Plot in the Works of Dostoevsky and Tolstoy About Childhood. In: *Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta [Memoirs of NovSU]*, 2024, no. 2 (53), pp. 242–249. Available at: <https://portal.novsu.ru/file/2145914> (accessed on 10 July, 2025). DOI: 10.34680/2411-7951.2024.2(53).242-249. EDN: QSTSPE (In Russ.)
 19. Fedotova M. A. Nikita St., Stylite, Pereyaslavsky. In: *Pravoslavnaya entsiklopediya [Orthodox Encyclopedia]*. Moscow, Tserkovno-nauchnyy tsentr "Pravoslavnaya entsiklopediya" Publ., 2018, vol. 49, pp. 516–519. (In Russ.)
 20. Khristolyubova O. V., Yasnova E. V. Spiritual Portraits of A. S. Pushkin and L. N. Tolstoy in the Perception of V. A. Nikiforov-Volgin. In: *Problemy gumanitarnogo obrazovaniya: filologiya, zhurnalistika, istoriya: sbornik nauchnykh statey III Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii [Problems of Humanitarian Education: Philology, Journalism, History:*

- Collection of Scientific Articles of the 3rd International Scientific and Practical Conference*]. Penza, Penza State University Publ., 2016, pp. 232–235. EDN: XGNSAT (In Russ.)
21. Chekhov A. P. *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 tomakh* [The Complete Works: in 30 Vols]. Moscow, Nauka Publ., 1977, vol. 9. 541 p. (In Russ.)
22. Shavarinskaya S. R. The Reflection of Spiritual Searches of Leo Tolstoy in the Depiction of Women's Types and Characters in the Novel "War and Peace" (the Image of Princess Marya). In: *Dukhovno-nravstvennye osnovy russkoy literatury: sbornik nauchnykh statey po materialam Shestoy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Spiritual and Moral Foundations of Russian Literature: Collection of Scientific Articles Based on the Materials of the Sixth International Scientific and Practical Conference]. Kostroma, Kostroma State University Publ., 2018, pp. 68–70. EDN: HVIUFF (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Сузрюкова Елена Леонидовна , кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, Новосибирский государственный технический университет (пр-т К. Маркса, 20, г. Новосибирск, Российская Федерация, 630073); ORCID: https://orcid.org/0009-0003-4739-0042 ; e-mail: sellns@mail.ru .	Elena L. Suzryukova , PhD (Philology), Associate Professor of the Department of Russian Language, Novosibirsk State Technical University (prospekt Karla Marksa 20, Novosibirsk, 630073, Russian Federation); ORCID: https://orcid.org/0009-0003-4739-0042 ; e-mail: sellns@mail.ru .
--	--

Поступила в редакцию / Received 15.07.2025

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 17.09.2025

Принята к публикации / Accepted 19.09.2025

Дата публикации / Date of publication 24.11.2025